

Научная статья

УДК 341.9 : 347.6

О НЕКОТОРЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ НОРМ ИНОСТРАННОГО СЕМЕЙНОГО ПРАВА ОСНОВАМ ПУБЛИЧНОГО ПОРЯДКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Денонкур Джанис, Ph.D., доцент, Ноттингемская юридическая школа,
Ноттингемский Трентский университет, lfranc.ut91@gmail.com**

Аннотация

В последние годы становятся относительно частым явлением ситуации, в которых подлежащие применению на территории России нормы иностранного семейного права вступают в противоречие с российским публичным порядком. В таких условиях национальное законодательство должно быть максимально эффективным с позиции защит публичного порядка. Однако оно содержит некоторые пробелы, что не создает достаточно прочной нормативной основы для единообразного разрешения всех спорных ситуаций. Поэтому в статье указанные противоречия и пробелы рассматриваются. Основные из них касаются признания (непризнания) правоспособности вступать в брак, правовой оценки полигамных и однополых союзов. И если относительно последних закон и Конституционный Суд дают вполне однозначные ответы, исключающие их признание, то вопросы брачной правоспособности иностранных граждан, заключивших брак за рубежом, остаются спорными. В связи с этим автором в законодательстве выявлены недостатки: во-первых, Конституция РФ провозглашает приоритет международного договора перед законом, не оговаривая при этом недопустимость нарушения национального публичного порядка Российской Федерации; во-вторых, Семейный кодекс РФ предусматривает признание брачных союзов, заключённых иностранными гражданами за рубежом в соответствии с иностранным законодательством, причём даже в тех случаях, когда такие брачные союзы противоречат

российскому законодательству. На этом основании предлагается внесение изменений в нормы указанных источников законодательства.

Ключевые слова: иностранное семейное право, нарушение публичного порядка, применение норм иностранного права, публичный порядок, российское семейное право, СК РФ

Статья поступила в редакцию 13.05.2025, одобрена после рецензирования 12.06.2025, принята к публикации 17.06.2025.

Original article

ON SOME CONTRADICTIONS BETWEEN THE NORMS OF FOREIGN FAMILY LAW AND THE FUNDAMENTALS OF PUBLIC ORDER IN THE RUSSIAN FEDERATION

**Denoncourt Janice, Ph.D., Associate Professor, Nottingham Law School,
Nottingham Trent University**

Abstract

In recent years, it has become relatively common for situations in which the norms of foreign family law to be applied in Russia come into conflict with Russian public policy. In such circumstances, national legislation should be as effective as possible in protecting public order. However, it contains some gaps, which does not create a sufficiently solid regulatory framework for the uniform resolution of all disputes. Therefore, these contradictions and gaps are considered in the article. The main ones relate to the recognition (non-recognition) of legal capacity to marry, the legal assessment of polygamous and same-sex unions. And if the law and the Constitutional Court give quite unambiguous answers regarding the latter, excluding their recognition, then the issues of marital status of foreign citizens who have married abroad remain controversial. In this regard, the author identified shortcomings in the legislation: firstly, the Constitution of the Russian Federation proclaims the priority of an international treaty over the law, without stipulating the inadmissibility of violating the

national public order of the Russian Federation; secondly, the Family Code of the Russian Federation provides for the recognition of marriage unions concluded by foreign citizens abroad in accordance with foreign legislation, and even in cases where such marriage unions are contrary to Russian law. On this basis, it is proposed to amend the norms of these sources of legislation.

Keywords: foreign family law, violation of public order, application of norms of foreign law, public order, Russian family law, IC RF

Введение

Россия, будучи частью мирового сообщества, на конституционном уровне признает международное право и на этой основе допускает признание и применение норм иностранного права на своей территории, исходя из принципа взаимности и наличия достигнутых договоренностей с другими странами.

Необходимость признания иностранного права в рамках семейных правоотношений продиктована, прежде всего, наличием в тех или иных правоотношениях иностранного элемента. Между тем, реалии правового регулирования таковы, что зарубежное законодательство нередко вступает в противоречие с российским законодательством и обеспечиваемым им публичным порядком. Наличие подобных противоречий является основанием для отказа в признании и применении норм зарубежного законодательства на территории России, а также не позволяет исполнять в России решения зарубежных и международных юрисдикционных органов. Однако многие аспекты, касающиеся упомянутых противоречий, весьма неоднозначны, в том числе с учётом необходимости обеспечения возможности признания и применения норм российского законодательства за рубежом.

Основная часть

Источники российского законодательства, в частности, гражданского и семейного права содержат положения о возможности применения норм иностранного семейного права в России, как и оговорки о публичном порядке.

Поэтому на такие положения необходимо обратить внимание. Так, Семейный кодекс РФ [1] (далее – СК РФ) в ст. 166 в общем виде определяет порядок, на основе которого устанавливается содержание норм зарубежного семейного права. В рамках решения этой задачи суд либо соответствующий орган, осуществляющий запись актов гражданского состояния (ЗАГС), либо иной орган устанавливает содержание соответствующих норм исходя из:

- их официального толкования;
- практики применения;
- доктрины, господствующей на территории соответствующего государства.

Та же статья наделяет указанные категории субъектов правом обратиться в Минюст России или иные компетентные органы для установления содержания норм. Более того, возможно и привлечение соответствующих экспертов для решения указанной задачи. Очевидно, что в отдельных наиболее сложных ситуациях, требующих максимально ответственного и взвешенного подхода, уместно и обращение в Конституционный Суд РФ, позиция которого является наиболее авторитетной, не оспаривается и фактически приравнивается к позиции федерального законодателя, исходя из возможности давать оценку федеральных законов или иных источников права с точки зрения их соответствия Основному Закону страны.

Указанная статья позволяет вместо норм зарубежного права применять нормы российского права в случаях, когда содержание норм зарубежного права не было установлено, если все необходимые предусмотренные законом меры для этого были предприняты. Конечно, такие случаи являются скорее исключением, нежели правилом. И в этой связи интерес представляют другие ситуации, когда от применения норм зарубежного права Россия отказывается из соображений охраны публичного порядка, о чем говорится в ст. 167 СК РФ, которая не допускает применения соответствующих норм зарубежного права при их

противоречии основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации.

Такая мера является полностью оправданной и юридически, и идеологически (политический), поскольку является неотъемлемым условием охраны конституционного строя, безопасности, суверенитета и прочих особо значимых конституционных ценностей, имеющих в любом случае приоритетное значение.

Гражданский кодекс РФ [2] (далее – ГК РФ) в ст. 1193 также упоминает оговорку о публичном порядке, исходя из которой не допускается применение иностранного права в случае, когда имеют место отношения, осложнённые иностранным элементом, если применение такой нормы повлечёт противоречие основам публичного порядка Российской Федерации.

Важно обратить внимание на один принципиальный нюанс, оговоренный в указанной статье: отказ применить норму зарубежного права недопустимо обосновывать только лишь отличием правовой, политической, экономической системы соответствующего иностранного государства от правовой, политической или экономической системы Российской Федерации. Иными словами, если в конкретном государстве сформировалась не рыночная (капиталистическая), а командно-административная, плановая экономическая (социалистическая) модель, это не исключает возможности применения норм права такого государства в России в отдельных случаях, если для того имеются основания. Это касается и других случаев, в частности, применения права страны, в которой действует монархическая форма правления.

То есть законодатель в этом аспекте попытался максимально преодолеть возможный формализм при разрешении вопроса о применении тех или иных норм. Но сегодняшний день было бы ошибочным утверждение о том, что законодательство, определяющее ограничения возможностей применения норм иностранного права на территории России и в целом, и в части семейного права

не имеет недостатков. Как справедливо отмечается в литературе, недостатков в этой сфере регулирования масса.

Например, Е.П. Войтович [5, с. 27–30] подчёркивает несовершенство сложившейся практики реализации соответствующих норм о публичном порядке. Причём такая практика обусловливается судебной интерпретацией. То есть многое зависит именно от усмотрения соответствующих судов, и среди этих судов ведущая роль принадлежит Конституционному Суду РФ.

Отмечается наличие достаточно богатого опыта в части применения оговорок о публичном порядке. Причём наиболее часто такого рода оговорки находят применение в рамках арбитражной судебной практики. Но несмотря на достаточно богатую практику, продолжает спорным оставаться вопрос о сущности публичного порядка, поскольку в нормах действующего законодательства она не раскрывается, а лишь упоминается. Более того, совершенно справедливо Е.П. Войтович [5, с. 27–30] отмечает нестабильность содержания публичного порядка в представлении судебных органов. Причиной такой ситуации является, том числе, неиспользование оговорки о публичном порядке судами общей юрисдикции в рамках дел, касающихся семейных правоотношений, хотя такая оговорка прямо предусмотрена в ст. 167 СК РФ.

В настоящий момент не представляется возможным дать однозначный ответ на вопрос о том, по какой причине суды общей юрисдикции в своей практике игнорируют указанную норму СК РФ. Хотя принципиального значения поиск ответа на данный вопрос не имеет.

Следует отметить, что использование оговорки о публичном порядке имеет место не только в России, но и в других странах, в том числе и применительно к разрешению ситуаций, связанных с семейными правоотношениями, в которых участвуют субъекты, имеющие статус иностранного элемента.

При этом подходы, используемые судами в рамках разрешения конкретных ситуаций противоречия иностранного права национальному

публичному порядку решаются не одинаково, а большинство дел касается признания (непризнания) факта бракосочетания или расторжения брака, в том числе совершенного на основании религиозных норм, на что указывает, в частности, Е.П. Войтович [5, с. 27–30].

Профессор В.А. Канашевский указывает, что чаще всего имеет место вопрос, касающийся признания (непризнания) юридических последствий заключенных за рубежом полигамных браков, однополых союзов, также условий о правоспособности лиц, вступающих в брак, если таковые условия носят дискриминационный характер. Причём такого рода нормы во многом связаны с трактовкой конкретных терминов, используемых в коллизионных нормах. Им не всегда уделяется внимание как в законодательстве, так и в юридической литературе, хотя значимость их роли отрицать невозможно [6, с. 57].

В контексте изложенного наиболее ярко иллюстрирует терминологическую проблему такой феномен, как брак, который в рамках российского публичного порядка принято рассматривать с позиций традиционного подхода, что в целом свойственно и большинству стран мира. Здесь надо обратить внимание на п. 3 ст. 1 СК РФ, упоминающей лишь брачный союз мужчины и женщины. Иные варианты, соответственно, исключены в условиях российского публичного порядка.

Конечно, отдельные случаи, когда имеют место ограничения применения иностранного права по мотивам его противоречия публичному порядку, требуют более детального рассмотрения. И если говорить о правоспособности в контексте заключения брака, то надо обратить внимание на п. 2 ст. 156 СК РФ, который предписывает при заключении брака руководствоваться теми условиями, которые определены законодательством государства, гражданином которого является соответствующее лицо, вступающее в брак на территории России.

В мире есть немало государств, где условия вступления в брак устанавливаются достаточно жёсткие и сопряжены с определёнными требованиями, касающимися, например, принадлежности к определённой

религиозной конфессии [6, с. 57–58]. Очевидно, что подобного рода ограничения в условиях российского публичного порядка неуместны, а потому должна применяться оговорка о публичном порядке и соответствующие ограничения братья в расчет не должны на территории Российской Федерации. Аналогичным образом, как нам представляется, должен решаться и вопрос, касающийся брачного возраста. Если в том или ином государстве возраст вступления в брак по общему правилу менее 18 лет, то вполне уместно применить положения ст. 167 СК РФ.

Заметим, что и в российских реалиях более раннее вступление в брак допустимо, однако такие случаи являются исключением из общего правила при определенных условиях и предполагают соблюдение особой процедуры,

Отказ от применения норм иностранного права относительно полигамных или однополых союзов тоже требует внимания. Как было отмечено выше, СК РФ признает в качестве брака исключительно союз мужчины и женщины. И, хотя такой подход в целом можно считать общепринятым, в ряде стран он не поддерживается. К противоречиям с таким правом таких стран применима ст. 167 СК РФ.

Обратим внимание на предпринимавшиеся ранее попытки оспорить нормы российского законодательства, обеспечивающие традиционный подход к трактовке сущности брака. Но Конституционный Суд РФ дал однозначный ответ, что браком надлежит признавать исключительно союз мужчины и женщины. Более того, Судом было обращено внимание на отсутствие каких-либо международных обязательств касательно признания однополых союзов [3].

Изложенное выше заставляет обратить внимание на п. 2 158 СК РФ, который предписывает заключённые между иностранными гражданами браки на территории иностранного государства признавать законами на территории Российской Федерации, если таковые отвечают законодательству государства, ставшего местом их заключения. При этом не упоминается ст. 14, оговаривающая обстоятельства, препятствуют заключению брака. Из этого

можно было бы полагать, что браки иностранных граждан, которые не могли бы быть заключены в России ввиду оговоренных в ст. 14 препятствий, должны безусловно признаваться на территории России, если были заключены за рубежом. Но в этом есть все основания усомниться, ведь по сути речь идет о тех же противоречиях публичному порядку. Справедливость этого вывода подкрепляется и позицией Верховного Суда РФ [4]. В таком случае п. 2 ст. 158 СК РФ следовало бы дополнить условием об отсутствии противоречия ст. 14 СК РФ.

В контексте проблематики ограниченного применения норм иностранного права нельзя не обратить внимание на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, которая декларирует приоритет международного договора перед законом. Исходя из этого в литературе даже высказывается мнение о том, «что ограниченность иностранного права не безусловна и должна быть согласована с общим конституционным принципом приоритета норм международных договоров над нормами национального права» [7, с. 259]. Однако такая позиция ошибочна, на наш взгляд, и здесь можно также усмотреть противоречие публичному порядку.

Если же имеются какие-либо сомнения в том или ином случае о наличии противоречия публичному порядку, то уместно задаться вопросом: не повлечёт ли признание тех или иных конкретных норм зарубежного права причинение ущерба интересам публичного порядка? Иными словами, следует руководствоваться универсальным критерием, определяющим необходимость применения так называемых сверхимперативных и императивных норм, защищающих национальный публичный порядок [8, с. 94].

Заключение

Проблема противоречия норм иностранного семейного публичному порядку Российской Федерации остаётся крайне острой, особенно в условиях отступления многих стран от традиционных ценностей. В этой связи охрана национального публичного порядка становится крайне важным условием охраны конституционного строя и тех ценностей, которые в Конституции

провозглашены. И хотя практика применения оговорки о публичном порядке, зафиксированной в ст. 167 СК РФ, не получила должного развития, защита публичного порядка в рассматриваемой сфере обеспечивается вполне последовательно.

Тем не менее, некоторые недостатки в законодательстве выявить удалось. В частности, вопросы возможных противоречий публичному порядку должным образом не учтены в Конституции РФ и СК РФ, поэтому видится необходимость внесения изменений в их некоторые нормы:

- ст. 15 Конституции РФ следует дополнить условием о недопустимости применения международного договора в случае противоречия такового публичному порядку Российской Федерации;

- ст. 158 СК РФ необходимо дополнить условием об отсутствии препятствий для вступления в брак также применительно к иностранным гражданам, брак которых был заключен за пределами России.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 № 496-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации» // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/902029324?section=text>
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 3№ 24 «О применении норм международного частного права судами Российской

Федерации» // Портал Верховного Суда РФ. URL:
<https://www.vsrfr.ru/documents/own/28079/>

5. Войтович Е.П. Оговорка о публичном порядке как основание отказа в применении иностранного семейного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 26–43.

6. Канашевский В.А. Вопросы публичного порядка и квалификации при регулировании семейных отношений, осложненных иностранным элементом // Журнал российского права. 2018. № 5(257). С. 56–62.

7. Максимова Н.А. Ограничение применения норм иностранного семейного права // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 12-1. С. 258–264.

8. Шулаков А.А. Публичный порядок в международном частном праве и проблемы толкования и применения сверхимперативных и императивных норм // LEX RUSSICA. 2018. № 4 (137). С. 81–97.

References

1. Semejny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 23.11.2024) // Sobranie zakonodatel`stva. 1996. № 1. St. 16.

2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` tret`ya) ot 26.11.2001 № 146-FZ (red. ot 08.08.2024) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2001. № 49. St. 4552.

3. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.11.2006 № 496-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanina E`. Murzina na narushenie ego konstitucionny`x prav punktom 1 stat`i 12 Semejnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/902029324?section=text>

4. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 09.07.2019 3№ 24 «O primenenii norm mezhdunarodnogo chastnogo prava sudami Rossijskoj Federacii» // Portal Verxovnogo Suda RF. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/28079/>

5. Vojtovich E.P. Ogovorka o publichnom poryadke kak osnovanie otказа v primenении inostrannogo semejnogo prava // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly`e`konomiki. 2020. № 3. S. 26–43.
6. Kanashevskij V.A. Voprosy` publichnogo poryadka i kvalifikacii pri regulirovanii semejny`x otnoshenij, oslozhnenny`x inostranny`m e`lementom // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 5(257). S. 56–62.
7. Maksimova N.A. Ogranichenie primeneniya norm inostrannogo semejnogo prava // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2024. T. 14, № 12-1. S. 258–264.
8. Shulakov A.A. Publichny`j poryadok v mezhdunarodnom chastnom prave i problemy` tolkovaniya i primeneniya sverximperativny`x i imperativny`x norm // LEX RUSSICA. 2018. № 4 (137). S. 81–97.